

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НЕОЖИДАННОСТИ» И НЕ ТОЛЬКО: ПОЭТИКА ВОДЛОЗЕРСКОГО ДНЕВНИКА С.Н. ДУРЫЛИНА

© 2021 г. Е.А. Коршунова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 17 июня 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 октября 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405>

Аннотация: В статье анализируется поэтика неопубликованного северного (Водлозерского) дневника С.Н. Дурылина. Перед исследователем этого дневника стоят следующие задачи: изучить текст с функциональной точки зрения, рассмотреть особенности жанровой формы и жанрового содержания, попытаться на основе текста дневника воссоздать образ автора. Функционально северный дневник С.Н. Дурылина интересен тем, что это путевой очерк о севере, в котором он описывает не только исторически значимые ландшафты, но и обычаи северян. В нем автор раскрывает сокровенный опыт переживания увиденного на севере, при этом данный текст отличает и объективизация описанного, так как записки предполагалось сдать в Археологический институт. В данном случае для понимания содержания дневникового жанра очень важно то, что это первый дневник С.Н. Дурылина, созданный им на основе подневных записей в июле — августе 1917 г., дневник так называемого периода становления, что обусловило еще одну его функцию — «духовного хронографа». Таким образом, Водлозерский дневник С.Н. Дурылина воссоздает процесс духовного становления личности писателя, а также является ценным художественным свидетельством отображения русской национальной картины мира.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, путевой дневник, «северный текст», национальный образ мира, этнопоэтика.

Информация об авторе: Евгения Александровна Коршунова — кандидат филологических наук, докторант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9887-0351>

E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

Для цитирования: Коршунова Е.А. «Географические неожиданности» и не только: поэтика Водлозерского дневника С.Н. Дурылина // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 386–405. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 2, 2021

“GEOGRAPHICAL SURPRISES” AND MORE: THE POETICS OF S.N. DURYLIN’S VODLOZERO DIARY

© 2021. Evgeniya A. Korshunova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: June 17, 2020

Approved after reviewing: October 20, 2020

Date of publication: June 25, 2021

Abstract: The article analyses the poetics of S.N. Durylin’s unpublished North (Vodlozero) diary. The researcher of this diary has the following tasks: to study the text from a functional point of view, to consider the features of genre form and genre content, to try to recreate the image of the author based on the text of the diary. Functionally, Durylin’s Northern diary is interesting because it is a travel essay about the North, in which the author describes not only historically significant landscapes, but also customs of the northerners. The author reveals the intimate experience of what he saw in the North, while the text is distinguished by the objectification of the described, since the notes were supposed to be handed over to the Archaeological Institute. In this case, for understanding the content of the diary genre, it is very important that this is Durylin’s first diary, created on the basis of daily records in July – August 1917, the diary of the so-called formation period, which caused another of its functions – “spiritual chronograph”. Thus, Durylin’s Vodlozero diary recreates the process of spiritual formation of the writer’s personality, and is also a valuable artistic evidence of the Russian national picture of the world.

Keywords: S.N. Durylin, travel diary, “Northern text,” national image of the world, ethnopoetics.

Information about the author: Evgeniya A. Korshunova, PhD in Philology, Doctoral Student, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gori, 1/51, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9887-0351>

E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

For citation: Korshunova, E.A. “‘Geographical Surprises’ and More: the Poetics of S.N. Durylin’s Vodlozero Diary.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 386–405. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405>

Водлозерский дневник С.Н. Дурылина (1886–1954) — писателя, этнографа, искусствоведа — написан во время его итоговой поездки на север летом 1917 г. Северные поездки 1906, 1908, 1911, 1914, 1917 гг. не только были экспедициями по заданию Археологического института, в который он поступил в 1910 г., но и стали важными вехами на пути духовных исканий писателя. Поездка на север 1906 г. стала одним из факторов (наряду со смертью лучшего друга, Миши Языкова¹), обусловивших духовный поворот С.Н. Дурылина к православию и к постижению особенностей русского национального характера. О своем восприятии севера С.Н. Дурылин вспоминал так: «1910 год — переломный; я вернулся к “вере отцов” и тут создалось у меня в душе и мысли некое хранительное ощущение Руси, вера в ее пребывающий незримый град, вера, вобравшая в себя и углубившая и ту красоту русской народности, которая открылась мне на севере. В 1910 же году я поступил в Московский археологический Институт, где особенно увлекался изучением древнерусской иконописи, которая для меня была как бы алтарем Софии, пристанищем: русского народного гения; и веры, и мысли, и красоты»². Безусловно, эти аспекты стали центральными в произведениях «северного цикла», ведь Водлозерскому дневнику, который автор создает в поездке 1917 г., предшествовали и другие «северные» произведения: путевой очерк

1 М.К. Языков — друг и одноклассник С.Н. Дурылина (сын К.М. Языкова — заведующего Измайловской земской больницей), с которым они вместе учились в 4-й гимназии. Под его руководством С.Н. Дурылин приобщился к революционным идеям, была создана детская революционная организация. 5 сентября 1906 г. Миша Языков был убит жандармами в одном из провинциальных городов.

2 МА МДМД. Фонд С.Н. Дурылина. КП 614/16. С.Н. Дурылин. Автобиография. Письмо С.Н. Дурылина Г.С. Виноградову. Л. 5.

«За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (1913), исследование «Кандалакшский Вавилон: к изучению северных лабиринтов» (1914), «Под северным небом. Очерки Олонецкого края» (1915). Все они были напечатаны в «Отчетах Московского Археологического института» и затем вышли отдельными изданиями. В предыдущих поездках С.Н. Дурьин несколько раз посещал Соловки, занимался изучением икон Олонецкого края, работал в архиве Петрозаводского краеведческого музея, у Ледовитого океана вдоль берегов Норвегии набрасывал схемы береговых линий и островов материкового происхождения. В поездке 1914 г. делает открытие — доисторический Кандалакшский вавилон.

Таким образом, север во многом способствовал становлению С.Н. Дурьина как писателя. Конечно, этот случай не уникален, ведь и М.М. Пришвин, отправившийся в Заонежье, раскрыл свой литературный талант в книгах «В краю непуганых птиц» (1907), «Осударева дорога» (1908), «За волшебным колобком» (1908). Это же можно сказать и о А.М. Ремизове, который именно в северной Вологодской ссылке смог создать «Полуночное солнце» (1905), «Посолонь» (1906) и осознать себя писателем, а не общественным или политическим деятелем. На севере начал писать стихи Николай Тряпкин. Север «рождает» писателей. Поэтому, говоря о «северном тексте» XX в., нельзя не упомянуть и творчество Бориса Шергина, Николая Клюева, Николая Рубцова, Федора Абрамова и Василия Белова, Ольги Фокиной и Владимира Личутина, Юрия Казакова и многих-многих других. Объясняя эту «метаморфозу», чудесное воздействие севера, нужно обратиться к рассмотрению самой семиосферы «северного текста», попытаться определить «северный миф», образующий данный локальный текст.

Как нам представляется, на данном этапе изучение феномена «северного текста» далеко от завершения. Можно отметить исследования проф. Е.Ш. Галимовой, под руководством которой проводятся конференции по изучению «северного текста» русской литературы и издаются сборники [16; 18], работает специализированная лаборатория при Поморском университете. Ученые предложили такое определение «северного мифа» или смыслового ядра, вокруг которого возможно образование данного локального текста: «...сущность этого сверхэмпирического смысла — в восприятии Русского Севера как *мифопоэтического пространства, таящего в себе в “запечатленном” виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры,*

русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [2, с. 17]. Созерцание красоты русской народности, открывающееся на севере, ласка «души народной» рождала не только литературные впечатления, но и во многом формировала личность любого, кто прикасался к ней.

В своей монографии «Поэзия пространства» Е.Ш. Галимова выделяет ряд устойчивых архетипических мотивов, образующих «северный текст». Это мифологема моря, реки, локус леса, болота, тундры. Исследовательница приходит к справедливому выводу о том, что устойчивые элементы «северного текста» «отличаются ярко выраженным мифопоэтическим характером и являются тем смысловым уровнем, на котором эксплицируется представление об устойчивости русской национальной картины мира в ее архаическом (неизменном) варианте» [2, с. 19]. На примере северного очерка С.Н. Дурьлина «За полуночным солнцем» (1911–1912) и неопубликованного Водлозерского дневника 1917 г.³ можно говорить о том, что смысловое ядро дурьлинского «северного текста» выражает особенности национального самосознания. В современном литературоведении этими аспектами занимается этнопоэтика, которая «должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур» [8, с. 9]. Ее развитие аргументировал В.Н. Захаров [7].

В работах отечественных литературоведов, опубликованных в последнее десятилетие, можно выделить два подхода к данной проблеме. Во-первых, в качестве определяющего для этнопоэтики фактора рассматривается фольклоризм — ориентация писателей на поэтику и жанры устной народной словесности, а также переработка ими отдельных элементов фольклора [6]. Для обозначения «стилевых и сюжетно-повествовательных координат изображаемого фольклорного мира» В.М. Гацак предложил термин *этнопоэтические константы* [3, с. 7].

Во-вторых, в качестве важнейшего аспекта национального своеобразия русской литературы рассматривается «православный подтекст» [7] или «православный код» [10, с. 267] произведений; именно он осмысливается как центральный предмет этнопоэтики [7]. Таким образом, можно сказать, что семиосфера «северного текста» активно изучается литературоведами,

3 Дурьлин С.Н. «Олонецкие записки (по этнографии, фольклору и археологии)». Тетрадь с записями во время путешествия по Олонецкому краю, дневниковыми записями. 171 л. (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 293).

однако, как нам представляется, системное описание этого сверткста еще впереди. Практически не вошли в поле внимания исследователей-литературоведов и очерки С.Н. Дурылина о севере, хотя они, несомненно, интересны как в художественном отношении, так и в научном: С.Н. Дурылин открыл Кандалакшский вавилон, доисторический архитектурный памятник, и описал его в одноименном очерке (памятник охраняется государством по настоящее время).

Не менее важным и значимым для осмысления особенностей восприятия С.Н. Дурылиным севера является неопубликованный Водлозерский дневник, написанный летом 1917 г. во время последней поездки на север, в которой участвовали братья Чернышovy, И. Ильинский, Г. Мокринский, а также брат С.Н. Дурылина — Георгий. Сам документ представляет собой записи (с 13 июля 1917 г. по 3 мая 1918 г.) карандашом и чернилами в тетрадь в твердом переплете синего цвета, в линейку. Размер тетради: 22x18 толщиной 1,8 см. На тетради надпись: «Для Археологического института (орфография автора)». В документе 171 лист, вся тетрадь заполнена. В тексте есть исправления, но, безусловно, это беловой автограф, а не черновик. Некоторые листы вырваны, в тетради есть также рисунки С.Н. Дурылина.

Дневник является ярким комментарием к опубликованному очерку «За полуночным солнцем» (1911–1912) и одновременно его продолжением. Таким образом, этот очерк, в котором доминирует художественное начало, можно сравнивать с дневником, в котором доминирует документальность. Однако оба жанра — очерк и дневник — относятся к документальной литературе, в основу которой положен факт, реальное впечатление. Дневник в литературоведении стал исследоваться значительно позже, чем очерк, так как опора на факт и документ, составляющая жанровую основу дневника, практически исключает творческую фантазию писателя и вымысел. Как отмечал А.Г. Коваленко, «противоречивость скрыта в самом сочетании слов. <...> Указанное противоречие лишь отчасти снималось другим словосочетанием, “художественно-документальная литература”, также ставшим привычным для критических и литературоведческих работ 1970-х годов, однако вовсе не решившим до конца вопрос о жанровом статусе явления» [12, с. 171]. Поэтому Л.Я. Гинзбург справедливо считала дневник промежуточным жанром [4], а А.Г. Тарковский относил его к мемуарной прозе, как и воспоминания [18]. Напротив, В.Д. Оскоцкий высказывает мысль о том, что

дневник является самостоятельной жанровой формой [15, с. 5]. Это доказывают и монографические труды О.Г. Егорова [9, с. 68], который рассмотрел особенности жанровой формы дневника, метод, стиль, хронотоп, разновидности дневниковой формы.

Все сказанное ставит соответствующие задачи перед исследователем Водлозерского дневника С.Н. Дурылина: проанализировать текст с функциональной точки зрения, рассмотреть особенности жанровой формы и жанрового содержания, попытаться на основе текста дневника воссоздать образ автора.

Функционально северный дневник С.Н. Дурылина интересен тем, что это путевой очерк о севере, в котором автор описывает не только исторические значимые ландшафты, но и обычаи северян. В нем автор, с одной стороны, раскрывает сокровенный опыт переживания увиденного на севере, а с другой — этот текст отличает и объективизация описанного, так как записки, согласно помете в документе, предполагалось сдать в Археологический институт. Пользуясь терминологией О.Г. Егорова, дневник можно считать экстравертивным и интровертивным одновременно. Е.В. Глухова также отмечала тенденцию к определенной деструктуризации формы дневника в XX в., которая прежде всего «связана с нарушением интимности, как одной из доминирующих характеристик» [5, с. 788]. Это и прослеживается в данном случае. Наблюдается осцилляция жанровой формы за счет включения в текст дневника записей Г. Мокринского и Н. Чернышова, собственных выписок из книг и размышлений над прочитанным, собранных записей северного фольклора. Благодаря этому дневник становится не только интимным, но и общественным явлением.

Подобные черты в целом отличали документальную литературу XX в., у авторов «присутствует некий отстраненный взгляд хроникера, умеющего подняться над индивидуальным и частным в своей судьбе и запечатлеть время во всей его сложности и многообразии» [14, с. 41]. Дневник С.Н. Дурылина не является в данном случае исключением: своей попыткой написать записки о севере «для многих» уже обуславливается объективное начало, желание увидеть север не только собственными глазами, создавая текст «для себя», но и создать некое правдивое «свидетельство» для остальных, возможно, не бывавших на севере. Хотя данный вопрос можно считать дискуссионным, так как, например, давая определение дневниковому жан-

ру, А. Зализняк считает, что «дневник — это текст, который пишется не для публикации (я имею в виду “настоящий” дневник, а не дневник как жанр художественной литературы); опубликованный дневник — уже нарушает границы жанра» [11].

Очень важно для понимания содержания дневникового жанра в данном случае то, что это первый дневник С.Н. Дурылина, созданный на основе подневных записей в июле — августе 1917 г., дневник так называемого периода инициации, что обусловило еще одну важную его функцию — «духовного хронографа». Сквозь текст путевых заметок с описанием ландшафта, мест, спутников и друзей автора мы можем отчасти проследить сложный вектор духовного поиска, поиска ответов на вопросы, которые станут для С.Н. Дурылина главными: есть ли Бог и бессмертие? Каков сокровенный лик России и русский характер? Это дневник **становления личности**. Образная система Водлозерского дневника также призвана дать ответы на эти внутренние вопросы. Недаром в ней резче разведены и обозначены контрасты: космос и хаос, сакральное и профанное в таком порядке и соотношении, которое раскрывает особенности русского менталитета, русской народности и русского национального характера. Из всего увиденного на севере юный С.Н. Дурылин отбирает своим сознанием именно эти факты, которые дают ответы на поставленные бытийные вопросы. Этим текст Водлозерского документа отличается от традиционного путевого дневника (например, Н.П. Погодина), в котором доминирует взгляд хроникера. Кроме путевых записей, автор отвлекается на размышления о литературе, заносит выписки из записанных книг и публикует впечатления своих спутников.

Например, одной из главных для наблюдения и занесения в свой дневник сведений является довольно интересная особенность: вера северян в Бога, в Абсолют и почти постоянное прибежание к услугам колдунов и прорицателей. Е.А. Агеева, впервые обратившая внимание на этот дневник, приводит в своей статье [1] текст записки иерея Александра Громцова, адресованной С.Н. Дурылину с пожеланиями посещения тех мест на севере, в частности в Олонецкой губернии, которые Громцов безусловно считает «гениями» места. Советует посетить Водлозерье — древнейший культурный район русского севера, заселенный человеком 8–9 тыс. лет назад, в котором находятся археологические памятники времен мезолита и неолита. Сейчас это территория Республики Карелия и Архангельской области, на

которой создан в 1991 г. уникальный Водлозерский национальный парк. Приведем текст записки:

Водлозеро отстоит от Пудожа в 57 верст. Дорога тянется по направлению к северу глухим лесом. В 16-ти верстах от Пудожа находится земская почтовая станция Сумозеро. Отсюда до Водлозера 41 верста. На половине пути устроена земская станционная квартира, где дают непродолжительный отдых лошадям, чтобы потом следовать на Водлозера. Станцией в дер. Куганаволоке оканчивается тракт. Придется садиться в лодки и ехать до дер. Канзанаволок, где находится волостное правление. Водлозеро — весьма древнее поселение новгородцев. Чрез него новгородцы вели торговлю с Белым морем. Все остальные поселения, как то: Старая Пудога, Тапа, Кулгала — были приписываемы к Водлозерскому стану. В 12 веке новгородский князь, кажется Георгий Всеволодович, идет на Заволочье походом против Чуди чрез Водлозерский стан. Одна из деревень Пречистенского прихода, а именно «Вама» есть имение Марфы Посадницы. Старинные мосты на Волотове, по мнению многих, — это место перетягивания судов новгородцев. Деревня Пречистенского прихода Рагнозеро известна со времен Василия Темного; Былина о богатыре Рахке Рагнозерском. На Водлозере многие деревни, заливы, острова имеют чудские названия: Куга-Наволок, Канза-Наволок, Пельг-остров, Кива-Салма, Коско-Салма. На пути из Куганаволока к Канзанаволоку есть остров Кинг-остров, на нем, по преданию, происходила битва новгородцев с чудью, здесь находили обломки оружия. После поражения чудь удалилась в северную часть озера, где центром был Илам-остров недалеко от дер. Гостнаволока. Почти на середине озера стоит Ильинский погост. На погосте одна церковь с двумя приделами. Помнится, есть древняя икона муч. Христофора с собачьей головой (предание в свое время напишу). Есть и другие иконы. Возвращаясь обратно, необходимо посетить южный погост — Пречистенский. Для полного впечатления небезынтересно проехать посередине озера. Очень интересное местечко — Пачес-гора. По преданию, здесь хотели устроить погост и церкви, но какая-то неведомая сила относилась плоты с лесом к острову, где ныне Пречистенский погост. Это сочли за особое предзнаменование и решились устроить погост и церкви, где он и сейчас стоит. На Пречистенском погосте, окруженном с северной стороны древним еловым лесом, построены две церкви. Одна древняя, уже очень ветхая, предназначенная к

разборке ввиду невозможности ремонта. В ней много старинных икон. В алтаре 12-ти апостолов, Софии премудрости Божией, Соловецких чудотворцев, Страшного суда и надпись в паперти, писаная вязью. По мнению нескольких путешественников, этот погост был складочным местом товаров у новгородцев, торговавших чрез Волоотово с Белым морем. Небезынтересно посетить так называемый Белый остров, находящийся на Матка-Лахте, с древней часовней и неизвестной при ней одинокой могилой. Глубокой непроницаемой тайной веет от этой могилы и часовни. Говорят, это был раскольничий скит. По моему мнению, самое замечательное место по своей давности в Водлозере — это часовня на Белом острове. И Илам-остров. Я на нем, Иламе, был уже давно — может быть, многое уже там развалилось. Во всяком случае, на него нужно бы обратить внимание. На этом острове когда-то кипела жизнь⁴.

Как видим, в записке священника обозначаются исторически значимые места (Илам), поселения Водлозерья и места сакральные, церкви Ильинского и Пречистенского погоста, часовня на Белом острове, будто бы содержащие некое особое, мифологическое знание об этих землях. С.Н. Дурылин совету последовал и в дневнике отобразил историю посещения этих мест, но в записях сразу же отмечал и иное, а именно пристальный интерес северного человека к силе нечистой, воплощенной в образах колдунов. Конечно, священник не мог рекомендовать обратить внимание на данную особенность, однако именно такой отбор фактов требует отдельной рефлексии интерпретатора. Исследователи, например упоминавшаяся Е.А. Агеева, этот факт отмечали, однако подробно не пытались объяснить (видимо, ставя перед собой другие исследовательские задачи). Обычно ученые, затрагивавшие северную тему, указывали на то, что север воспринимался С.Н. Дурылиным как место переживания встречи с Абсолютом (В.Н. Торопова) или как пространство, где открываются пути в Незримый Град (А.И. Резниченко). Да, действительно, С.Н. Дурылин, говоря о севере, отмечал, что «здесь ангел пролетел над водами»⁵. Поэтому в дневнике одной из главных тем является тема обретения человеком религиозной веры, в частности,

4 Записка священника Громцова о древностях в Пудожском уезде (Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 29. Оп. 9. Д. 17. Л. 10–11 об.

5 Буткевич Т.А. «Воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине». Очерк (МА МДМД. Фонд С.Н. Дурылина. КП 611/28. Л. 62).

православия. Однако Бог и встреча с Абсолютом происходят почти всегда посредством описания победы над нечистью, воплощенной в демонических образах колдунов, водяных, домовых и т. д. Поэтому эпическая тема описания северной земли в дневнике тесно связана с темой лирической, представляющей путь поиска веры, опыт самостояния человеческой души на пути к Абсолюту. Такое своеобразие тематики обусловило и специфику хронотопа дневника: локальный хронотоп, описывающий факты, местность сопрягается с психологическим. Поэтому его можно считать дуальным или смешанным.

Первые записи С.Н. Дурылина отнюдь не о церквях и святых угодниках Савватии и Зосиме Соловецких, но о водяном Выгострова, «который любит табак»⁶ и «яиц любитель»⁷, т. е. о вполне человеческом облике демонического существа, которое «принимает и вид окуня»⁸. Для достоверности автор указывает, что эту историю поведал ему сам о. Александр Громцов. В первой же записи от 13 июля 1917 г. путешественник упоминает о колдуне Корнилии, который живет в маленькой деревушке Выгострова. При описании Корнилии автор не только упоминает, каким почетом все еще пользуется колдун у народа (он непреременный участник свадеб, дает «отпуск» скотине перед весенним выпасом, по заговорам Корнилии ищут заблудившихся в лесах), но и обращает особое внимание на общении Корнилии с трансцендентным: «Он не скрывает, что знает с темной силой. Ночью выходит в поле. С ним говорит. — И стоит в поле, и говорит, и разговаривает»⁹. Другой колдун, Павел, в отличие от Корнилии, разговорчивый и даже верующий, ходит в церковь, более того, автор указывает на то, что колдун учит заговорам и обращению к нечистой силе о. дьякона. Этот факт особо заинтересовал С.Н. Дурылина — в дневнике есть запись о том, что он попросил книгу заговоров у о. дьякона, завет которого запомнился юноше: «Верить в нечистого надо, а думать про него часто — не нужно: вред от этого»¹⁰. Эти факты определяют круг раздумий молодого С.Н. Дурылина: во что верить, в чем онтологические корни веры и колдовства, как Бог побеждает дьявола. Эти образы северного фольклора вполне традиционны для литературы о севе-

6 РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 2.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же. Л. 4.

10 Там же. Л. 6.

ре, однако у писателя они имеют другую функцию. Его наиболее волновала мысль о причинах соединения, сплетения в одном и том же человеке этих двух вер — в сакральное и в дьявольское. Эти мучительные размышления он отразил в очень емком по содержанию высказывании:

О как реально здесь это русское «Бог спас», да Бог, только Бог, но человеку нечего принижать себя, до очевидности нечего. Человек здесь между тем и этим, между Богом и врагом, и льнет к тому или другому, а бывает и к обоим. Поп и колдун надобен, поп больше, гораздо больше. Колдун поменьше, но тоже надобен, — и какие здесь попы! Всея бы России таких: он и пахарь, он и косец, он и ловец, он и гребец, он «свой» — свой не только мужику, он и скотинке свой, и озеру свой, ярко цветной северной пожне свой, а уж храму столетнему деревенскому, кондовому, с древними иконами, со скрипучей тяжелой дверью, с Николой Можайским, всяческим заступником — он из своих-то свой. Ему крестить, попахать — не легче, чем пожню скосить¹¹.

В этом размышлении и своеобразный юношеский символ веры, и глубокие по смыслу заключения об особенностях русского характера, жажде Бога и стремлении к нему и оболещении демоническим, низменным. Об этом ранее свидетельствовал и Ф.М. Достоевский, говоря о борьбе двух идеалов, идеала Мадонны и идеала содомского в душе русского человека:

Красота — это страшная и ужасная вещь! <...> Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой [19, с. 100].

¹¹ Там же. Л. 17–17 об.

Извечная разорванность русского сознания между тьмой и светом, космосом и хаосом стала той экзистенциальной внутренней темой, которая раскрыта на страницах дневника. Возможно, именно во время этой северной поездки С.Н. Дурылин убеждается в «реальности» этого нечистого, о котором и говорил о. дьякон так как многочисленные рассказы в дневнике о старушках и обитателях Водлозерья, заблудившихся в лесу, описываются как факты действия злой силы, которая персонализируется: леший, лесовик, хозяин и т. д. Принцип контраста, контрастного описания то элементов сакрального космоса, то профанного начала — композиционная ось дневника, которая отображает русскую картину мира или национальный образ мира. Бог и дьявол не просто контрастно разведены в тексте дневника, С.Н. Дурылина интересует наиболее всего ситуации одоления демонской силы силой Божьей, воплощенной в помощи святых угодников, молитв. Автора интересуют не столько проблемы нравственной испорченности человека, сколько именно вопросы веры в *реальность потустороннего мира*, способы общения с этим миром. В части под названием «Ильинский погост» (этот погост автор посетил по совету о. Александра Громцова) он записывает его устные рассказы об одолении демонской силы: дом Громцовых по свидетельству о. Александра по ночам посещали демоны в виде призраков, умерших родственников, например о. Ивана. От видений-явлений удалось избавиться только в 1903 г. с помощью св. Серафима Саровского, который также персонифицирован: «...старичок маленький, горбатенький, с котомкой, весь белый, на посох опирается <...> и проговорил: “Оставь их! Не ваш тут дом! Что вам тут делать?”»¹². В сниженном, несколько комическом варианте та же коллизия имеется в виду, когда автор рассказывает о тяжбе и ссоре Пречистенского водяного и Ильинского, которых рассудила Божья Матерь: одного отправила в дальние леса, «за царя», а второго на Лимозеро, «где он и сгинул». Образы северного фольклора, существующие как персонажи, таким образом, также персонифицированы. Эпический, горизонтальный сюжет начинает пронизывать духовная вертикаль, образующая свой мистический образный ряд, принадлежащий как реальности, так и духовному миру, миру веры, которую пытается обрести писатель. Время также течет только линейно, ведь «гости» из вечности нарушают его привычное тече-

¹² Там же. Л. 14.

ние. «Застывшее время» как метафорически реализованная вечность выражает, на наш взгляд, и особое ощущение сакральности северной земли, где писателю открылся сокровенный лик России.

Здесь композиционно не только колдуны противопоставлены священникам, но и элементы ландшафта, птицы, звери также отнесены к тем или иным полюсам, представлены автором в определенном символическо-мифопоэтическом ключе, поэтому их вполне можно считать этнопоэтическими образами или элементами. Поэтому слово писателя нагружено не столько эмоционально, сколько аналитически и, как увидим, художественно. К художественным удачам относится и «запечатление» лебедя.

Описанию лебедя повествователь посвящает в дневнике специальную заметку. Лебедя С.Н. Дурылин относит почти к священным птицам, ведь «убить лебедя — грех», лебедь как трубач своими кликами «бравший самые нежные и чистые звуки, чистые, как утро, к которому они относились, но они были и мужественны, и беззадержно вольны вместе с тем: никто, никто так не славит бога — так чисто, вольно, и благородно-мужественно»¹³. Вспоминает С.Н. Дурылин и А.С. Пушкина, которому являлась муза «при кликах лебединых». Лебедь образно символизирует духовную жажду русского человека, самые высокие его устремления, истинное творчество. Поэтому автор объективирует субъективные и личные оценки, приводя народную, а значит, и национальную точку зрения: «“Белая лебедушка”, поступь лебединая, шея лебединая — это лучшие доказательства величайшей эстетической зрелости русского народа»¹⁴. Приведенные фрагменты свидетельствуют о том, что автор оперирует не только аналитически нагруженным, но и эстетически значимым словом. Это наиболее наглядно в той части дневника, которая посвящена описанию поездки на Белый остров. Об острове, как мы уже упоминали, рассказал С.Н. Дурылину о. Александр Громцов, назвав его одним из самых замечательных мест Водлозерья. Выделяет его и С.Н. Дурылин.

Здесь хроникер, участник событий уступает место художнику и писателю. Ведь все описанное С.Н. Дурылиным на острове (природа, таинственная загадочная древняя часовня и неизвестная могила), конечно же, соответствует виденному, но сразу же превращается и в художественное повествование,

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 18.

эстетически значимый текст. Такой текст, по мнению Ю.М. Лотмана, должен быть «семантически организован и содержать сигналы, обращающие внимание на такую организацию» [13, с. 203]. Эстетический код составляет хроно-топ, символика названия острова, символика цвета.

Хронотоп здесь подчеркнуто сакрализован, увиденное описывается одновременно взглядом путешественника и богомольца, ощущающего космос пространства гораздо более, чем в других частях дневника, на что сразу же обращаешь внимание. Это и запись очевидца, и впечатление души, в котором слышна авторская интенциональность. Причем С.Н. Дурьлин сразу же пробует объективировать описанное:

Да, твердо, решительно, крепко оберегается народом неприкосновенность острова и всего, что есть на нем, от ягодки <...> до часовни и ели. Остров для народа святой, неприступный, неприкосновенный, заповедный. Эта поразительная твердость всеобщего здесь обожения, — даже у молодежи, у детей¹⁵.

На святость и особое отношение к нему северян указывает и название — Белый, или Воскресенский. Хотя центром притяжения на острове является часовня, в которую идет народ «свечку поставить», хранителями острова и настоящими персонажами становятся ели — «цари острова».

Остров — сплошной гребень лесов. До того стройны, до того высоки, тихи и остры, темны и молчаливы его ели, что кажутся они кипарисами, выросшими на острове среди глубокого, нерушимого, ничем не обремененного покоя. <...> в каком-то предугаанном высоком согласии растут его ели. Как он высок, тих и недоступен! <...> на десятки верст нет другого, похожего клочка берега. Белый остров узнаешь сразу и никогда не спутаешь ни с чем другим. Что-то прекрасное, но и строгое, и неприступное есть в нем, как будто какой-то чертой отгорожен он ото всего другого¹⁶.

Эта черта и есть ощущение особой святости острова, это и есть его «душа». Поэтому, как замечает маленькая спутница автора, Тася, «елочки

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 74.

¹⁶ Там же. Л. 78.

будто все с крестиками наверху»¹⁷. И она, конечно, по мысли автора, «права», так видят и ощущают космос духовного пространства острова и герои. Ведь они подготовлены уже к такому восприятию рассказами местных жителей о святости острова: это и предания о невидимых угодниках, которые каждое воскресенье по водам ходят к заутрене на Пречистенский погост, и рассказы стариков и старух о том, что даже взять деревце с Белого острова большой грех. Рассказанное северянами совпадает с увиденным автором и его спутницей Тасей.

Особое внимание путников привлекает часовня, построенная несколько веков назад то ли уединенными отшельниками, то ли монахами, оставшимися без монастыря, — неизвестно. С.Н. Дурылин подробно описывает убранство часовни, кресты, иконы, архитектуру. Но более всего выделяет ее значение для современных жителей острова. Особая любовь северян к часовне символизирует для автора никогда не умирающую тягу русского человека к праведной жизни. Ведь часовня — народная святыня, посещая которую можно «соучаствовать в праведной жизни». Таким образом, картины, изображающие Белый остров, оказываются наделенными символическим потенциалом, образ часовни становится способным к «самодвижению», оказываясь символом сакрального топоса северной земли, ассоциирующегося с жаждой праведности, стремления к ней русского человека. С.Н. Дурылин, используя возможности жанровой формы дневника, пишет об этом прямо, выражая свою мировоззренческую позицию. Как указывают исследователи, жанр дневника позволяет это: «У нового жанра то преимущество, что ему дано добывать глубинные пласты, залежи психологии, правды народной жизни открытым способом» [14, с. 61]. Этим путем проходит сам автор, Водлозерский дневник становится и «духовным хронографом», а не только записями для Археологического института.

Наверное, именно это, способность жить на севере естественной жизнью, тихой, уединенной, в мире с природой и окружающими, дало возможность и автору, как он сам указывал, увидеть «красоту русской народности» и сокровенный лик Руси. Это ощущение и чувство дал только север, поэтому северные путешествия так важны для изучения и рассмотрения этапов формирования мировоззрения писателя и осмысления особенно-

17 Там же.

стей его творческой манеры, стиля и метода, которым становится «реализм в высшем смысле». Дурьлин-мифомыслитель периода создания очерка «За полуночным солнцем» (1911–1912) становится в дневнике духовным реалистом. Поэтому дневник не укладывается в жанровое определение «путевой», его значение гораздо шире, это и дневник *становления личности*, и попытка создания автором-летописцем (по терминологии Е.М. Криволаповой) повествования об особенностях *русского национального характера и русской картины мира*.

Список литературы

Исследования

- 1 Агеева Е.А. Водлозерские записки С.Н. Дурьлина: темы, сюжеты, наблюдения // Творческое наследие С.Н. Дурьлина. Сб. статей. М.: Совпадение, 2016. Вып. 2. С. 104–121.
- 2 Галимова Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы. Архангельск: КИРА, 2013. 128 с.
- 3 Гацак В.М. Этнопоэтика и традиция. М.: Наука, 2004. 431 с.
- 4 Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 414 с.
- 5 Глухова Е.В. Об эволюции дневникового жанра // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 786–807.
- 6 Далгат У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 210 с.
- 7 Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 5–31.
- 8 Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. Вып. 1. С. 5–12.
- 9 Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века. Исследование. М.: Флинта; Наука, 1999. 285 с.
- 10 Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 287 с.
- 11 Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения: 02.05.2020).
- 12 Коваленко А.Г., Гурска К. Эстетика документа в художественно-документальной прозе («Голоса Утопии» С. Алексиевич) // «От Чехова до Бродского»: эстетиче-

- ские и философские аспекты русской литературы XX века (К 90-летию Л.А. Колобаевой). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 171–182.
- 13 *Лотман Ю.М.* О содержании и структуре понятия художественная литература // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 203–216.
- 14 *Местергази Е.Г.* Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта; Наука, 2006. 160 с.
- 15 *Оскоцкий В.Д.* Дневник как правда // Вопросы литературы. 1993. Вып. V. С. 3–58.
- 16 Северный текст как Логосная форма бытия русского севера / сост., отв. ред. Е.Г. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. 389 с.
- 17 Северный текст русской литературы. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. Вып. 1 / сост, отв. ред. Е.Г. Галимова. 189 с.
- 18 *Тарковский А.Г.* Русская мемуаристика XVII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

Источники

- 19 *Достоевский Ф.М.* Полн/ собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Художественные произведения. Братья Карамазовы. Кн. 1–10. 516 с.

References

- 1 Ageeva, E.A. "Vodlozerskie zapiski S.N. Durylina: temy, siuzhety, nabliudeniia" ["S.N. Durylin's Vodlozero Notes: Themes, Plots, Observations"]. *Tvorcheskoe nasledie S.N. Durylina* [Creative Heritage of S.N. Durylin], vol. 2. Moscow, 2016, pp. 104–121. (In Russ.)
- 2 Galimova, E.Sh. *Poeziia prostranstva: obrazy moria, reki, lesa, bolota, tundry i motiv puti v Severnom tekste russkoi literatury* [Poetry of Space: Images of Sea, River, Forest, Swamp, Tundra and the Motif of the Path in the Northern Text of Russian Literature]. Arkhangel'sk, KIRA Publ., 2013. 128 p. (In Russ.)
- 3 Gatsak, V.M. *Etnopoetika i traditsiia* [Ethnopoetics and Tradition]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 431 p. (In Russ.)
- 4 Ginzburg, L.Ia. *O psikhologicheskoi proze* [On Psychological Prose]. Moscow, Intrada Publ., 1999. 414 p. (In Russ.)
- 5 Glukhova, E.V. "Ob evoliutsii dnevnikovogo zhanra" ["On the Evolution of the Diary Genre"]. *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century. Dynamics of the Genre. Common Issues. Prose]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 786–807. (In Russ.)
- 6 Dalgat, U.B. *Etnopoetika v russkoi proze 20–90-kh gg. XX veka* [Ethnopoetics in Russian Prose of the 1920–1990s]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 210 p. (In Russ.)
- 7 Zakharov, V.N. "Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoi literatury" ["Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics"]. *Evangel'skii tekst v russkoi literaturе XVIII–XX vekov* [The Evangelical Text in Russian Literature of the XVIII–XX Centuries], issue 2. Petrozavodsk, 1998, pp. 5–31. (In Russ.)
- 8 Zakharov, V.N. "Russkaia literatura i khristianstvo" ["Russian Literature and Christianity"]. *Evangel'skii tekst v russkoi literaturе XVIII–XX vekov* [The Evangelical Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries], issue 1. Petrozavodsk, 1994, pp. 5–12. (In Russ.)
- 9 Egorov, O.G. *Dnevniky russkikh pisatelei XX veka. Issledovanie* [Diaries of Russian Writers of the 20th Century. Study]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 1999. 285 p. (In Russ.)
- 10 Esaulov, I.A. *Kategoriia sobornosti v russkoi literaturе* [The Category of Sobornost in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
- 11 Zalizniak, A. "Dnevnik: k opredeleniiu zhanra" ["Diary: Defining the Genre"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2010. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (Accessed 02 May 2020). (In Russ.)
- 12 Kovalenko, A.G., Gurska, K. "Estetika dokumenta v khudozhestvenno-dokumental'noi proze ('Golosa Utopii' S. Aleksievich)" ["Aesthetics of the Document in Fiction and Documentary Prose ('Voices of Utopia' by S. Alexievich)"]. *Ot Chekhova do*

- Brodskogo*": *esteticheskie i filosofskie aspekty rucskoi literatury XX veka (K 90-letiiu L.A. Kolobaevoi)* ["From Chekhov to Brodsky": *Aesthetic and Philosophical Aspects of Russian Literature of the 20th Century (To the 90th Anniversary of L.A. Kolobaeva)*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2019, pp. 171–182. (In Russ.)
- 13 Lotman, Iu.M. "O sodержanii i strukture poniatii khudozhestvennaia literatura" ["On the Content and Structure of the Concept of Fiction"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles], vol. 1. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, pp. 203–216. (In Russ.)
- 14 Mestergazi, E.G. *Dokumental'noe nachalo v literature XX veka* [Documentary Basis in Literature of the 20th Century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 160 p. (In Russ.)
- 15 Oskotskii, V.D. "Dnevnik kak pravda" ["Diary as the Truth"]. *Voprosy literatury*, vol. V, 1993, pp. 3–58. (In Russ.)
- 16 *Severnii tekst kak Logosnaia forma bytiia russkogo severa* [Northern Text as a Logos Form of Existence of the Russian North], comp., ed. E.G. Galimova, A.G. Loshakov. Arkhangel'sk, Imidzh-Press Publ., 2017. 389 p. (In Russ.)
- 17 *Severnii tekst russkoi literatury*. [Northern Text of Russian Literature], vol. 1, comp., ed. E.G. Galimova. Arkhngel'sk, Pomeranian State University Publ., 2009. 189 p. (In Russ.)
- 18 Tarkovskii, A.G. *Russkaia memuaristika XVII – pervoi poloviny XIX v.: ot rukopisi k knige* [Russian Memoiristics from the 17th to the First Half of the 19th Century: from Manuscript to Book]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 288 p. (In Russ.)